

ИСКРЫ
— НАД —
БЕЗДНОЙ

18+

Григорий Иркин
Искры над бездной

«Автор»

2026

Иркин Г.

Искры над бездной / Г. Иркин — «Автор», 2026

Хеликон Вокс находит осколок упавшей звезды — артефакт, способный стать как оружием возмездия против фанатичного Ордена, так и проклятием, что обратится против него самого. Магистр Ордена видит в павших звёздах откровение, а в себе — десницу божью, и не остановится ни перед чем, чтобы исполнить предназначение. Путь Хеликона Вокса — это череда опасностей, круговерть убийств и непредсказуемых встреч, где каждый шаг может стать последним. Но главная битва ждёт внутри: чтобы спасти тех, кого он любит, Хеликону придётся заглянуть в бездну, которая всегда была с ним — задолго до того, как упала звезда. Ведь звёзды не падают просто так.

© Иркин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хеликон Вокс	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Григорий Иркин

Искры над бездной

Глава 1. Хеликон Вокс

— Элиас Дарроу, «Хроники».

Мир был молод, а боги — дерзки. Один из них, взирая на Ауренвию, дерзнул даровать смертным силу, равную своей. За то прочие боги разорвали отступника на части.

Первым пало Сердце. Пылая жаром тысячи солнц, оно обрушилось на землю и прожгло её до самого основания, оставив кратер, который люди, не ведающие истинной этимологии, прозвали Оком Вечности. В его основании Пророк Маар возвестил Эру Порядка, ибо довольно было той крови, что лилась на алтари, и довольно тех тварей, коих породила тьма.

Прочие же осколки, подобно скверне, рассеялись по небосводу. Они низвергаются и поныне, и благо тому, кто узрит падение такой звезды. Ибо одни из них сулят запретное могущество, обещанное вероломным богом, другие же пожирают рассудок.

И воистину, всякий раз, когда звезда прочерчивает небо Ауренвии, одни вглядываются в ввысь, пытаясь прочесть грядущее, другие же смиренно отводят взор. Ибо знают: звёзды смотрят в ответ.

Звёзды избрали Хеликона Вокса, но так и не решили: то ли вознести, то ли испепелить дотла. Красивый жест, ничего не скажешь. Хеликон же, служивший астромером и полагавший небесную алхимию ремеслом если не благородным, то хотя бы имеющим натурфилософскую основу, звёздную волю в расчёт не брал. О собственной участи он и вовсе не подозревал.

Очередная охота закончилась, как почти всегда, — ничем. На исходе второй недели, когда Хеликон Вокс уже начинал сомневаться в верности своих исчислений, он наконец вышел к месту, где небо коснулось земли.

Кратер оказался невелик, шагов двадцать в поперечнике, не больше. Астромер обошёл его трижды, тыкая палкой в пепел, перевернул каждый камень. Земля вокруг выгорела до черноты, обломки оплавилась в стекло, и среди этого пепелища не было ровным счётом ничего ценного ни для науки, ни для кошелька.

Звезда умерла ещё в небе, решил Хеликон. На землю упало лишь то, что не успело сгореть, а время и погода довершили остальное.

Месяц скитаний — и вот награда.

Обратный путь обернулся сущим бедствием. Хеликон слышал от других астромеров, что Норкширские леса не жалуют гостей, но теперь, промокший до костей и сбившийся с пути, он готов был поклясться, что эти земли ненавидят саму жизнь.

Переходя горную реку, он поскользнулся на мокром камне и едва не ушёл под воду, и лишь чудом Хеликон ухватился за корягу и выволок себя на берег, кашляя и трясясь. Остаток дня он плёлся вдоль русла, высматривая место, где можно было бы укрыться от ветра, и когда нашёл опушку среди корявых сосен опустился на колени и принялся за костёр.

Кремень скользил в мокрых пальцах, искра не хотела рождаться. Хворост, который Хеликон так тщательно собирал, оказался мёртвым: сырым, холодным, бесполезным, и даже самый старательный огонь не взял бы его.

Он выпрямился, стряхнул землю с колен и ушёл в темноту. Прошло не меньше часа, прежде чем он вернулся с охапкой, такой жалкой, что в ней было больше мха, чем веток. Хеликон вырыл ножом ямку, обложил её камнями и достал карту Норкшира. Несколько секунд он смотрел на неё, прежде чем оторвать нижний угол и скрутить в трубочку.

Искра ударила по бумаге. Хеликон поднёс к ней сухие ветки, дышал, не давая пламени угаснуть, укрывал руками, и, наконец, огонь взялся. Смехотворный, ничтожный огонь. Тепла от него было чуть, света — ещё меньше.

Едва тьма заполняла лес, из чащи поднимался вой. Он начинался с закатом и длился до первых проблесков рассвета. Так было каждую ночь.

Хеликон сидел у своего жалкого костра, сжимая в руке нож, и слушал, и ему казалось, что лес смотрит на него, изучает, решает, оставить ли ему жизнь или забрать. Наутро Хеликон обнаруживал вокруг своего пристанища следы. Множество следов. Их действительно было много, и все они вели к реке, к костру, к тому месту, где он спал, и уходили в лес. Зверей, что оставляли их, Хеликон не видел. Но каждый раз, рассматривая эти отпечатки, он благодарил богов за то, что встреча так и не состоялась.

Погода меж тем становилась всё хуже.

Чёрные сосны и косматые ели, столь величественно начертанные на карте Норкширского леса, гнулись под тяжестью наступающего ветра. Земля, сплошь изрытая оврагами и промоинами, осыпалась под ногами камнем и мокрой глиной.

Дождь вперемешку с мокрым снегом начисто уничтожил все приметы, оставленные Хеликоном Воксом. Зарубки на коре, сложенные камни, сложенные ветки — всё исчезло, смылось, стёрлось с лица этой враждебной земли, отчего обратная дорога вышла куда длиннее и запутаннее, чем рисовала память.

Теперь он брёл наугад, проклиная себя за то, что не остался дома.

Одежды вымокли до последней нитки, сумка с инструментами оттягивала плечо, стекло компаса не выдержало, лопнуло и пошло сетью трещин. Бурая хвоя забивалась за ворот, в рукава, в сапоги; мох, что свисал с сосновых лап, срывался липкими клочьями и уносился в небо, и Хеликон шёл, низко опустив голову, чувствуя, как ветер сдирает с него тепло.

Он уже всерьёз размышлял, не заночевать ли прямо под корнями вывороченной ели, когда, огибая очередной пологий холм, заметил впереди, в просветах меж корявых низкорослых деревьев и колючих кустов можжевельника, слабые, дрожащие огни.

Он остановился. Подумал: показалось. Или усталость играет с глазами. Но он заставил себя подняться выше, выбрал место, откуда лучше видно, и взгляделся. Огни не исчезли. Они больше не дробились сквозь мокрые ветви, не двоились в глазах и горели всего в какой-нибудь полумиле через открытое поле. Настоящие, живые огоньки.

Воодушевлённый этим зрелищем, Хеликон Вокс покинул своё наблюдательное место и начал спускаться с холма. Он цеплялся за мокрые ветви, выпирающие корни, торчащие камни, и старался думать лишь об огнях, которые, как он предполагал, могли принадлежать почтовой заставе.

У подножия он остановился, чтобы отдышаться, и поднял голову к небу. Там не было ничего. Ни звёзд, ни луны, ни единого просвета. Тучи двигались тяжело, словно арьергард разбитой армии, и ветер гнал их на юг, к огням, прочь от неприступных стен Норкширского леса. Хеликон смотрел им вслед и думал: даже небо не хочет оставаться здесь.

Вдруг, из глубины леса послышался вой.

Хеликон вздрогнул. Сердце ухнуло, в горле пересохло, и кровь застучала в ушах. Он резко обернулся, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

Лес стоял чёрный и неподвижный, но астромеру казалось, что он видит, как тьма между стволами сгущается, как она движется и наблюдает. В лесу таилось нечто, чего глаз не различал, но слух, пожалуй, улавливал, и Хеликон вслушивался, затаив дыхание, и взглядывался в темноту.

Вой повторился.

Хеликон бросил взгляд на огни — они ждали. На поле — открытое, пустое, всего в полумиле. Затем на лес.

И побежал.

Поле открылось ему во всей своей коварной широте. Хеликон бежал, спотыкаясь о кочки, вдыхая холодный ветер, и всё это время его взгляд был прикован к огням, которые издали казались такими близкими, но напротив, заняли целую вечность, чтобы перестать быть такими далёкими.

Он бежал и видел, как огни растут, обретают форму, как из дрожащих искр превращаются в костры, а вокруг них собираются телеги с брёвнами, палатки, и люди, которые сидят у огня, не подозревая, что на них бежит человек.

До лагеря оставалось не больше двухсот шагов, когда Хеликон вдруг понял, как его собственное хриплое, рваное дыхание разносится по полю — герои не дышат так, но герои, возможно, и не бегают так быстро.

Люди у костра вскочили ещё до того, как он сам вынырнул из темноты. Их было четверо и все они мгновенно оказались на ногах, словно по команде.

Один из них вскинул арбалет.

— Стой! — сказал он. — Кто такой?

Хеликон вырвался из высокой, по пояс, травы на открытое пространство перед костром и замер, подняв руки. Ответить он не смог: воздух рвал лёгкие, и он лишь качал головой, пытаясь отдышаться, пытаясь не упасть.

— Астромер, — наконец выдавил он. — Из Маркрифта. Я... я заблудился в Норкшире. Две недели.

Мужик с арбалетом не опустил оружия, но наклонил голову, разглядывая гостя. Грязного, дрожащего, озирающегося на поле. Остальные смотрели в сторону леса.

— Астромер? — переспросил мужик. — Ты ж звездочёт, нет? Как же ты по звёздам дорогу не нашёл?

Хеликон, всё ещё не в силах выпрямиться, полез за ворот рубахи и вытащил цепочку с медальоном. Тяжёлый серебряный круг с выгравированным знаком обсерватории Маркрифта. Он протянул его, и мужики, все до единого, прищурились, глянули на металл.

Арбалет опустили. Мужик кивнул и махнул рукой в сторону костра.

— Ладно. Садись, звездочёт, нечего мерзнуть. — Он кивнул на телеги. — Мы держим путь в Маркрифт. Если хочешь, давай с нами, место на телеге найдётся.

Астромер кивнул, стянул с плеча сумку, опустился на землю у огня и протянул руки к пламени. Его спутники, поудобнее устроившись перед очагом, толковали о своём: о ценах, о женщинах и о том, какое судно сгодится для этих досок. Кто-то обронил, что капитан «Медузы», заказавший лес, торопится, но, похоже, никуда с пристани не уйдёт, пока не загрузит трюм, и разговор тут же ушёл в мореплавание, морские течения, налоги в портах, а затем и на то, что все священники — негодяи и берут с бедных вдвое.

Хеликон уже не слушал. Он смотрел на огонь, чувствуя, как жар впитывается в кожу, как холод отпускает кости, как усталость, которую он нёс в себе последние две недели, начинает таять, как лёд на солнце.

Пламя плясало. Искры уносились в небо.

Хеликон Вокс почувствовал, как веки опускаются, как свет начинает меркнуть. И как он проваливается в чёрный, глубокий сон, подобный той тьме, из которой он вышел не более четверти часа назад.

И во сне он снова стоял на берегу острова посреди безмолвного океана. Звёзды кружились над головой в бесконечном хороводе, одна за другой падали в воду и тонули с шипением, как раскалённое железо. Сколько их уже упало, сколько ещё упадёт — он не знал. Но сон этот снился ему каждую ночь и не кончался до самого рассвета.

Телеги тронулись, когда небо ещё было тёмным.

Хеликон, закутавшись в сухой плащ, сидел на досках, глядя, как лес медленно уплывает назад. К полудню, когда солнце прорубилось сквозь тучи, как топор сквозь сухую сосну, он достал из сумки дневник и принялся перелистывать страницы, проверяя, что осталось от его записей.

В очередной раз поиски звезды не увенчались успехом.

Карты Норкшира, по крайней мере, пополнятся новыми сведениями. Хеликон сможет рассказать о бродах, оврагах, охотничьих тропах, зарисовать местность по памяти, а в обсерватории найдутся писцы, способные перенести его каракули на чистовик. Вот только от самой звезды остались лишь камни да пепел. Слишком старой оказалась она, чтобы оставить после себя хоть что-то ценное.

Магистр Озирик, надо полагать, обрадуется этому не больше, чем дождю в день открытия ярмарки. Но что тут скажешь? Звёзды не разбрасываются сокровищами по первому требованию.

Телеги, нагруженные лесом, достигли городских окраин, когда медный диск солнца только начинал тяжёлое восхождение над горизонтом. Свет его, ещё слабый, сочился жидким золотом сквозь утренний туман, оседал на шпилях и кровлях, моросил по зубчатым стенам. Сам же туман, цепляясь за камень сырыми ключьями, нехотя сползал на сонные улицы Маркрифта.

Колёса телеги застучали по камням.

Хеликон Вокс продрал глаза и взглянул на город. Улицы были ещё пусты. Витражные окна особняков, что громоздились вдоль мостовой к самому небу, переливались маслянистым блеском, точно россыпи драгоценных камней на сером бархате. Туман, ещё не рассеявшийся в лучах зари, оседал на стёклах, а те, намокнув, блестели ещё ярче и глубже.

Извозчик, правивший лошадьми, повернул к гавани.

Мгла увядала медленно, как вода при отливе, обнажая силуэты кораблей. Сперва показались мачты, частые и острые, точно колья частокола, вбитого в самое небо. Потом — реи и промокшие за ночь паруса, что облепляли рангоут, как кожа облепляет рёбра неведомого левиафана, и с каждого полотнища, с каждой складки, с каждой нити сочилась вода.

Затем проступили флаги. Десятки флагов, мокрые, отяжелевшие, они висели вдоль флагштоков, не в силах подняться в безветренном утреннем воздухе, и лишь угадывались в них цвета и гербы десятков королевств.

Судна покачивались на пенистых волнах, натягивая швартовы, скрипели деревом, звенели цепями. Матросы скатывали ночные вахтенные койки и выливали за борт ведёрную грязь, остальные бегали по причалам и сходням, кричали, торговались, грузили и разгружали, словом, делали всё то, чем с рассвета до заката полнится любой портовый город.

Над гаванью, над лесом мачт и мокрых парусов, над суетой и гвалтом, именуемым Маркрифтом, стояло «Око Морвена». Башни, сложенные из серого, тронутого лишайником камня, венчали холм, как корона венчает череп старого короля, и уходили в небо. Каждую завершал купол с узкой прорезью.

Днём купола следили за солнцем, медленно проворачиваясь на бронзовых направляющих, ночью ловили светила, изредка поглядывали на город, но никогда не опускали взгляда надолго, и мало кто в Маркрифте вообще понимал, чем именно заняты люди за этими стенами.

Зато все знали девиз, высеченный над аркой: «Кто правит небом, тот властвует и над землёй». Жаль только, что учёные мужи, правившие небом, жалованье получали такое, что властвовать над землёй не выходило решительно.

Хеликон Вокс спрыгнул с телеги, постоял секунду, привыкая к твёрдой земле под ногами, и двинулся к «Оку».

Три века назад первый Лорд Морвен повелел возвести на холме твердыню. Всё было устроено с толком: жилая башня для семьи и прислуги, две наблюдательные с телескопами,

ещё две для библиотеки и мастерских. Башни он поставил замкнутым кругом, соединив их стенами такой высоты, что даже полуденное солнце не сразу переваливало через гребень. В центре раскинулся обширный двор, где подмастерья, конюхи, кузнецы, прачки и прочий необразованный люд служили небу как могли.

Наследник Морвена — великий алхимик и, по слухам, чернокнижник, каких поискать — приказал выложить купол главной башни пластинами чёрного обсидиана и покрыть их веществом, рецепт которого он унёс с собой в могилу.

Шли дожди, дули солёные ветры, проходили десятилетия, но покрытие не тускнело. Оно вбирало свет и отдавало его обратно, отчего издали купол напоминал гигантское око, неотрывно следящее за каждым, кто осмеливался поднять на него взгляд.

Легенд вокруг «Ока» ходило предостаточно.

Хеликон миновал стражников у ворот цитадели, пересёк двор и поднялся по широкой каменной лестнице в главную башню. Кабинет магистра находился на третьем этаже, в самом конце коридора.

Внутри, как всегда, царил полумрак.

— Вокс? — раздался голос из темноты.

— Я, — ответил Хеликон, приближаясь к столу.

Магистр Озирик сидел в глубоком кресле, закутанный в чёрную мантию. Вернее, в когда-то чёрную. Сейчас она была просто тёмной, с пятнами от пролитого вина, засаленными обшлагами и подпалинами от свечного воска. Его лысая голова тускло желтела под огоньком масляной лампы, седая борода спуталась, глаза слезились, а тело то и дело сотрясал кашель.

Словом, выглядел магистр скверно.

— Снова твои блуждания длятся дольше дозволенного, — сказал он. — Нашёл что-нибудь?

Хеликон молча положил на стол потрёпанный, разбухший от сырости журнал.

— Что там? — спросил магистр, прижимая платок к губам. — Говори, Вокс. Я не в том расположении духа, чтобы играть в загадки.

— Кратер. Шагов двадцать в поперечнике, не больше, — ответил Хеликон. — Следов почти нет. Камни, пепел, оплавленное стекло. Думаю, что звезда умерла ещё до падения.

Озирик откинулся в кресле.

Он пошарил рукой по столу, нащупал маленькую бронзовую печать с фамильным гербом Морвенов и принялся вертеть её в пальцах. Он знал эту вещицу три десятка лет, с тех самых пор, как отец нынешнего лорда лично вручил ему ключи от этой башни.

— Значит, ничего, — произнёс он наконец. — Опять.

Печать замерла в пальцах.

— Мастер над гильдиями недоволен, Вокс. — продолжил магистр. — Им нужны расчёты. Выкладки. Приливные таблицы и предсказания штормов. А не байки о потухших звёздах. — Он хлопнул печатью по столу так, что лампа подпрыгнула. — Ты позоришь доброе имя Морвенов. И губишь мою репутацию.

— Вы сомневаетесь в моих наблюдениях?

— Я позволяю тебе — Озирик осёкся, закашлялся. Кашель был долгим и мокрым, платок, прижатый к губам, потемнел. — Я позволяю тебе, астромер, дышать воздухом этой обсерватории.

Затем магистр взял в руки журнал. Медленно, без всякого интереса он перевернул несколько страниц, захлопнул, бросил на край стола.

— Видят боги, таланта к звёздам у тебя нет, — сказал он. — Астролиском тебе не бывать. Хеликон молчал.

Озирик сложил руки на животе.

— Вот как поступим: пойдёшь в подмастерья. К алхимикам. Там хоть какая-то польза от твоего упрямства будет. Звёзды, знаешь ли, не каждому даются.

Хеликон резко подался вперёд, сгрёб журнал и сунул в сумку.

— Не для того я мёрз в лесах

Магистр тотчас взмахнул рукой.

— Мой дорогой Хеликон Вокс, — усмехнулся он. — Ты ничего не нашёл по той простой причине, что не способен искать. Нет у тебя ни чутья, ни удачи, ни того особого дара, что отличает нас, учёных мужей, от авантюристов с арбалетами. — Он развёл руками. — Что же до всего, некогда попавшего тебе под ноги, оставим сие на совести богов.

Хеликон сжал зубы, едва сдержавшись от резкого слова, и уже собирался уйти, как вдруг дверь за спиной с грохотом распахнулась.

На пороге стоял запыхавшийся юноша. Бледный, с выпученными глазами.

— Магистр! — выкрикнул он. — Там... звезда!

— Какая ещё звезда, мальчик? Говори толком.

— Огромная! — юноша взмахнул руками, пытаясь изобразить размеры. — Лучей — как иголок на еже, десятки! Я таких никогда не видел, магистр!

— Куда она летит? — спросил Озирик.

— Прямо на нас!

Хеликон и Магистр переглянулись.

Старик потёр лоб и вздохнул.

— Ересь, — заключил он и посмотрел на юношу так, как смотрят на беспутного ребёнка, что в очередной раз напакостил при гостях. — Ёж? И летит на нас? Да ты, верно, перегрелся на солнце, дурень. Светилам плевать на твою глупую голову, они летят, куда им положено.

Хеликон согласился. До некоторой степени.

Юноша замотал головой.

— Никакая это не ересь, магистр! — почти простонал он. — Хвост у неё из чёрного дыма! До горизонта! А сама она полыхает пламенем!

Сверху, из-под купола, ударил гул. Глухой, нарастающий. Такой, что Хеликон сперва принял его за гром. Он пересёк комнату в три шага и отдёргнул занавеску. Небо чистое. Ни облака, ни зарницы, только бледная _____, подёрнутая у горизонта морской дымкой.

Юноша в отчаянии упал на колени.

— Разве посмел бы я лгать?!

Гул становился громче. Стекла в шкафу зазвенели, сперва одно, потом другое, потом все разом. Бронзовая печать Озирика запрыгала по столу, огонёк лампы забился, присел, выпрямился — тени на стенах заматались, как стая летучих мышей. И вдруг снаружи, перекрывая гул, прорезался крик.

Все трое переглянулись.

Хеликон сорвался с места. Повинуясь неистовому порыву, он бросился из комнаты, пролетел коридор и уже через мгновение вылетел на широкий балкон, опоясывающий башню, и вцепился в перила.

Внизу, во дворе, творилось невообразимое.

Собаки кружились под ногами, захлёбываясь лаем и воем, лошади вставали на дыбы, рвали поводья, и конюхи едва справлялись с ними. Люди же металась между башнями, точно искры от невидимого пожара. Подмастерья бежали, роняя свитки и ящики с инструментами, налетали друг на друга, вскакивали и мчались прочь, к воротам. Иные, напротив, застыли как вкопанные, запрокинув головы к небу, и лица их были бледны, точно мрамор.

Из дверей библиотеки выскочил стражник. В одной руке он держал связку ключей, другую сжимал на эфесе меча. Он вставил ключ в скважину, повернул — раз, другой, — налёг плечом на створку: заперто. И, не оглядываясь, побежал прочь.

По двору меж тем промчалась обезумевшая лошадь.

На балкон, тяжело дыша и опираясь о косяк, выбрался Озирик. Лицо его побагровело так, на лбу выступила испарина, но взгляд оставался резким.

— Что здесь происходит? — он посмотрел вниз и осёкся на полуслове. — Боги... Да они все обезумели.

А сверху, из окон, доносились крики астролисков. Слов не разобрать, да они и не нужны были: десятки рук указывали в одну точку.

— Вон она! — юноша выбросил руку. — Вон! Смотрите!

Хеликон уставился на небо.

То, что он увидел, не походило ни на одно светило, какое ему доводилось наблюдать прежде. Звезда ворвалась в небо над Маркрифтом, и небо расступилось перед ней.

Огромная, куда больше любого небесного тела, что падало в пределах досягаемости астромеров за последние шесть столетий. Сердцевина её полыхала белым, почти нестерпимым для глаза огнём, а вокруг, сказать даже, из неё, торчали десятки длинных, раскалённых, исходящих дрожащим маревом лучей.

Звезда вращалась, и с каждым оборотом лучи эти срывались с неё, как лезвия, выкованные в небесной кузнице, и с шипением уходили вниз. Они плавилась в полёте, лопались, крошились искрами и сыпались на крыши, на улицы, на обезумевшие толпы.

Один такой луч, потеряв жар, остыл, обратился в камень, откололся целиком и, кувыркаясь в воздухе, с грохотом рухнул в здание Торговой гильдии. Крыша треснула, доски полетели в стороны, и над городом взметнулось необъятное облако дыма и пыли.

Хеликон стоял, вцепившись в перила балкона, и не мог заставить себя отвести взгляд. Демон любопытства внутри него ликовал, точно зверь, почуявший кровь. Он пел. Он кричал. И Хеликон его слушал.

Гул нарастал. Витражи лопались один за другим. Вода в бочках, расставленных по двору, заплескалась, пошла кругами, хлынула через край. Каменный фонтан в центре двора выбросил струю выше человеческого роста, задрожал, и вода из него пошла толчками. Гудение же, достигнув предела, проникло в грудь, сдавило рёбра и отдалось в зубах.

Магистр схватился за сердце. Лицо его сделалось серым, рот приоткрылся. Старик тяжело опустился наземь, судорожно втягивая воздух, но глаз отвести не мог. Не смел.

Когда терпеть стало невозможно — а терпеть стало невозможно довольно быстро, — Хеликон рухнул на колени.

Грохот накрыл башни, прокатился по камню, отдался дрожью в костях, поджилках, и светило, огромное и ревушее, пронеслось над башнями «Ока».

Когда гул затих, Хеликон поднялся на ноги. Пошатнулся. В ушах звенело, нос кровил. Колебание ударило по сосудам, подумал он, только и всего. Он опёрся о перила и, щурясь от дыма, который ветер уже тянул через весь город, взгляделся в ту сторону, куда ушла звезда.

Дым поднимался чёрным столбом, и столб этот был виден за много миль. Горел лес. За болотами, в окрестностях Бенрота, прикинул Хеликон. Звезда ушла туда, сомнений не было.

Далеко, но не настолько, чтобы нельзя было добраться. Десять-двенадцать часов на хорошей лошади. Восемь, если скакать во весь опор и менять коня на почтовых станциях, но станций на том тракте не было. Да и где же взять такого коня?

Он покосился на конюшню внизу.

Огонь, зажжённый упавшими обломками, принялся за стойла. Пламя бежало по сухой соломе, взбиралось по деревянным перегородкам, закручивалось, и дым валил из-под кровли густыми, маслянистыми клубами. Конюхи орали друг на друга, толкались, хлестали лошадей, пытались вывести их из дымящихся стойл.

На разбитой соломе, среди криков и дыма, билась в агонии лошадь. Из черепа её, чуть выше правого глаза, торчал тёмно-серый обломок. Острый, длиной в ладонь. Звёздное железо.

Привратник, замотав руку тряпкой, бросился к умирающему животному, ухватился за обломок и дёрнул. Из раны хлынула кровь, и вместе с ней чёрная пена.

Лошадь взвилась на дыбы, закричала и понеслась через двор, сметая всё на своём пути, ничего уже не видя перед собой, и на полном скаку врезалась в стену. От удара обломок вошёл глубже, и лошадь испустила дух.

Люди запирались в башнях, погребах, другие мчались к выходу сплошным, обезумевшим потоком. Все они что-то кричали, падали, толкались, отбрасывали друг друга. Никто не отдавал распоряжений, никто не пытался навести порядок.

Юноша помог магистру подняться, и старик, бледный, с каплями пота на лбу, вцепился в его плечо.

— Вокс?! — вскричал магистр. — Вокс!

Но Вокс уже не слышал.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет он гонялся за звёздами и всё, что он добыл за эти годы, не стоило и мгновения того, что сейчас, здесь, прошло над его головой.

Он мчался вниз по лестнице, расталкивая перепуганных служителей «Ока», перескакивая через ступени, вырвался во двор и замер, лишь на мгновение, чтобы перевести дух и бросить взгляд на небо.

Чёрный след ещё висел над Маркрифтом.

Ни один рыцарь, узревший в небе знамение, не давал обета с такой твёрдостью, с какой Хеликон Вокс, астромер, охотник за падшими звёздами, в тот миг вознамерился достичь места, где небесный огонь коснулся земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.